

«С одной стороны, нынешние темпы развития экономики дают более или менее весомые основания думать, что идущее расширение производства с некоторым ростом занятости и зарплат, как минимум, способно смикшировать неблагоприятные тенденции на продовольственном рынке. С другой стороны, у нас присутствуют многие из тех негативных факторов, в силу которых значительная часть мира сегодня голодает»

Мировой продовольственный кризис: импликации для России

Юрий НИКУЛИЧЕВ – доктор культурологии РАГС

«Тихое цунами» – так сегодня говорят о расширяющейся зоне голода в мире. Цунами, как известно, возникает внезапно – о глобальном продовольственном кризисе несколько лет тому назад тоже, казалось бы, не могло быть и речи. Сегодня эта проблема не сходит с первых полос газет и с повестки дня солиднейших международных форумов. Голодом охвачено по меньшей мере сто миллионов человек в тридцати семи странах мира – в Африке, Азии и Латинской Америке, в Карибском бассейне. Но зона продовольственного кризиса и того шире: по существу, это весь «беднейший миллиард» человечества – страны и слои общества, где люди живут на один-два доллара в день.

Как возникла проблема, настолько ли «цунами» было неожиданным, достаточно ли надежно мы в сегодняшней относительно благополучной России застрахованы от этого бедствия?

Непосредственная причина мирового голода – резкое удорожание базовых видов продовольствия. В последние годполтора на товарно-продовольственных рынках мира шли процессы, о которых говорят прочно вошедшей в обиход фразой – «взбесившиеся цены». Так, к маю 2008 г. рис вздорожал с 300 долл. за тонну в начале года до более чем тысяча долларов. Международные цены на пшеницу с февраля 2007 по февраль 2008 г. выросли вдвое, такими же темпами дорожает кукуруза – соответственно, растут цены на хлеб, мясо, молоко и иные продукты (например, в два раза за считанные месяцы выросли цены на хлеб в Таджикистане). В среднем мировой индекс продовольственных цен за 2007 г. вырос на 40%. Во втором полугодии 2008 г. рост повсеместно продолжался.

Для стран, где расходы на еду не превышают 20% семейного бюджета (как, например, в США, где даже для беднейших одной пятой домашних хозяйств данный показатель составляет 16%), последствия всего этого оказались разве что «раздражающими». Но там, где эта доля превышает 50% (в Нигерии, например, это 73%, во Вьетнаме – 65, в Индонезии – 50%), начались недоедание и голод.

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), в настоящее время в мире насчитывается 900 млн голодающих и 1,6 млрд недоедающих. Это проблема гуманитарная, большого политического уровня. Нам сейчас необходимо установить четкие критерии продовольственной безопасности страны, чтобы она стала составной частью национальной экономической безопасности.

Резко выросли показатели детской смертности (сегодня в мире ежедневно умирают от истощения 18 тыс. детей). По целому ряду стран прокатились социальные волнения вплоть до многодневных уличных беспорядков (на Гаити по этой причине пало правительство). Власти прибегают к чрезвычайным мерам, в двадцати странах введен государственный контроль над продовольственными ценами.

Ситуация тем критичнее, что с ростом

РОССИЯ ПОПАЛА В «ГОЛОДНУЮ ДЕСЯТКУ»

Жители 55 стран отвечали на вопрос международной исследовательской компании Gallup, как часто за последний год им или их семьям не хватало еды. Согласно исследованию Россия вошла в число десяти самых недоедающих государств мира.

Чаще всего еды не хватает в странах Африки – почти половина населения сталкивается с этой проблемой. В десятке – Камерун, Нигерия, Гана.

В списке также оказались некоторые страны Азии (Пакистан, Филиппины) и американских континентов (Перу, Боливия, Гватемала, Мексика) – в среднем 3-4 опрошенных из десяти считают свой обед скудным.

Россия завершает топ-десятку. Зато в нее не попала ни одна страна Западной Европы. Здесь перебои с едой встречаются крайне редко – положительно ответили только 7% респондентов.

Тем не менее организаторы опроса были шокированы этой цифрой, поскольку не предполагали, что и в наиболее развитых странах так много людей испытывают нехватку продуктов питания.

***Газета «Труд»**, 23 октября 2008 г.*

цен на продовольствие возрастает и стоимость внешней продовольственной помощи. Так, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), по существу, уже исчерпала свои бюджетные ресурсы и в срочном порядке ставит вопрос о необходимости дополнительных вложений со стороны стран-участниц. Глобальную продовольственную перспективу эксперты расценивают как однозначно неблагополучную.

Итак, «цунами», неожиданно резкое расширение зоны голода в мире… Как, однако, выразился один эксперт, «самое удивительное во всей истории – это то, что ее находят удивительной». И далее со ссылкой на фермера из Висконсина, США: «Наконец-то они сообразили, что после всех этих лет прославления глобализации и генетически-модифицированных семян мы не накормили мир, а породили продовольственную систему, которая оставляет голодными все больше и больше людей. Слушай они фермеров, а не корпорации, было бы наперед известно, что дело кончится именно этим» [1].

Причины глобального продовольственного кризиса в сообществе экспертов выявлены, надо полагать, с исчерпывающей полнотой, и дело только в том, чтобы распределить их по степени значимости. Указывают на непрекращающееся удорожание нефти – фактор, который по цепочке передается на все сельскохозяйственное производство. Очевидны изменения в структурах и географии потребления продовольствия с систематическим его ростом в Китае и Индии, которые развиваются «двузначными темпами» и поэтому ограничивают экспорт продовольствия, оставляя его для нужд внутреннего потребления. С этим связано истощение резервных фондов продовольствия в мире. Активизировались финансовые спекуляции на биржах. Существенный фактор – либерализация мировой торговли. Учтены также неурожаи 2007 года и даже «превращение еды в топливо» – развитие биоэнергетики.

Все это так. Но остановимся здесь на одном факторе – либерализации мировой торговли.

Речь идет о той политике «структурного приспособления», которая все последние десятилетия проводилась ведущими финансовыми и торговыми институтами мира – Всемирным банком, Международным валютным фондом, ВТО. «Большая

идея» заключалась в том, чтобы открыть рынки развивающихся стран для импорта более дешевого продовольствия из стран развитых. В рамках той же схемы развивающиеся экономики силой своих «сравнительных преимуществ» должны были переориентироваться на более специализированное производство соответствующих товаров, дабы шире экспортировать их в иные страны.

Теоретически потери в одном должны были компенсироваться выигрышем в другом. Собственно, именно эта идеология была заложена в Соглашение по сельскому хозяйству ВТО – первое же Соглашение, принятое на переходе от ГАТТ к ВТО в начале 1995 г.

Любое соглашение в рамках ВТО – это всегда вопрос сложный и неоднозначный, представлять здесь одну сторону опереточно коварными злодеями, а вторую – наперед обманутыми жертвами, как это слишком часто делается, по совокупности фактов, никак не получается. Соглашение ВТО по сельскому хозяйству, среди прочего, допускает государственное субсидирование аграрного производства. Что касается сокращения тарифных мер зашиты национального рынка, то для развитых стран изначально предполагалось более радикальное сокращение тарифов, чем для развивающихся (36% против 24% – соотношение теоретически существенно более благоприятное для развивающегося мира*). Дело отнюдь не в «справедливости-несправедливости» тех или иных официально принятых текстов, а в том, что из соглашений, как это бывает часто, но замечается редко, вытекают последствия, затем накапливающиеся **практически, исподволь и постепенно**.

На практике так и получилось: сложившаяся система позволяет Западной Европе и США расходовать ежегодно около 380 млрд долл. на одни лишь сельскохозяйственные субсидии. Официально и декларативно эти субсидии направляются на защиту мелких фермеров, реально в ЕС свыше половины субсидий идут на поддержку 1% производителей, а в США 70% – на субсидирование 10% производителей, чаще всего являющих собой крупные структуры агробизнеса [2].

Результатом всего этого стало то, что в прошедшие десятилетия мировые рынки были буквально затоплены дешевой сельскохозяйственной продукцией, и все это «на грани фола» – в деятельности, по

О ДОКТРИНЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На утверждение Президенту России будет направлена доктрина продовольственной безопасности РФ. На фоне напряженной ситуации на мировом продовольственном рынке принятие доктрины является принципиально важным. Кризисные явления на рынке привели к высоким темпам роста цен на сельхозсырье и готовые продукты питания. Эта тенденция, по оценкам ряда международных организаций, может продолжиться в ближайшее десятилетие.

В основу доктрины должны быть заложены два основных принципа – обеспечение физической и экономической доступности продовольствия в любое время в любых местах жизни и деятельности человека, а также безопасности и качества продуктов питания.

Это должен быть документ-инструкция для того, чтобы правительство и другие органы власти, проводя социально-экономическую политику, опирались на конкретные критерии.

Алексей Гордеев,
министр сельского хозяйства РФ

* См. любой текст Соглашения ВТО по сельскому хозяйству; приведено по [2].

своей скрытой сути равнозначной демпингу (столь сурово наказуемому в сегодняшней ВТО).

Тем временем развивающиеся страны теряли своего мелкого фермера – а это становой хребет их сельского хозяйства, часто экономики вообще, – а вместе с ним и свой «продовольственный суверенитет». Дальше достаточно было того, чтобы несколько факторов совпали по времени, и зависимость от импорта обернулась «великим голодом 2008 года».

Но как эта тема преломляется для России? Вопрос очень непрост, и заведомой ошибкой было бы «бухать в колокола, не заглянув в святцы». В проблеме много чисто прогностических и «счетных» компонентов: здесь, следовательно, нужна прогностика и солидная аналитика. Что сегодня можно констатировать в предельно общем плане, так это следующее.

С одной стороны, нынешние темпы развития экономики дают более или менее весомые основания думать, что идущее расширение производства с некоторым ростом занятости и зарплат, как минимум, способно смикшировать неблагоприятные тенденции на продовольственном рынке. Вообще за последние пятнадцать лет на продукты питания россияне тратили все меньше и меньше – прямое отражение роста уровни жизни: так, если в 1992 г. социологические исследования выявляли, что «почти все» расходуют на питание 63% респондентов, то в 2008 г. это число снизилось до 14% [3]. На вопрос «Хватает ли Вам нынешних доходов, чтобы прокормить свою семью?» 40% респондентов сегодня отвечают «в целом, да» [3].

С другой стороны, у нас присутствуют многие из тех негативных факторов, в силу которых значительная часть мира сегодня голодает, и это прежде всего безостановочное повышение цен на топливо. Цены на продовольствие при этом все последнее время росли еще быстрее, а, скажем, на хлеб они примерно вдвое опережали и показатели инфляции. По текущей статистике легко видеть, что дорожают все базовые продукты питания: по обобщенным данным Министерства экономического развития и торговли РФ, рост цен на продовольствие в России в 2007 г. почти в два раза превышал темпы их удорожания в предшествующем году.

Но расти – это в природе цен: само по себе это еще не проблема. Проблема в том, как категории «заработная плата» и «инфляция» разбиваются по стране, отдельным локалитетам, отдельным группам населения. В провинциальных городах зарплата сегодня до четырех раз меньше, чем в крупных. Здесь рост цен на продовольствие имеет совершенно иные «человеческие значения», нежели при средних столичных зарплатах в 30 тыс. рублей. Теоретически и эмпирически известно, что наиболее болезненно все эти процессы отзываются в малых городах и поселках – даже не в нашей «отсталой деревне» с ее приусадебными хозяйствами и естественной близостью к продовольствию. Полагаем, что определенно можно сказать: поселения этого типа находятся в очень большой зоне риска продовольственного коллапса. Степень этого риска должна быть выяснена аналитически, но «интуитивно» он представляется очень высоким (особенно в том случае, если темпы экономического движения страны замедлятся).

И уже прямой «знак беды» – ситуация пенсионеров, 36% которых недоедают уже сегодня [4]. Но и вне этой категории, как показывает недавний опрос социологов «Левада-центра», у 48% респондентов доходы таковы, что на питание их «в целом не хватает» [3].

Ситуация в перспективе становится столь социально рискованной, что деловые круги и власти отдельных локалитетов (Сахалинская область, Санкт-Петербург и др.) ставят вопрос о необходимос-

ти адресной помощи экономически отсталым слоям общества в виде специальных талонов на питание (по образцу американских food stamps). В этом случае большим подспорьем могли бы стать компьютерные средства по образцу геоинформационных систем, позволяющие работать с большим числом переменных и наглядно визуализировать зоны риска в той или иной предметной области.

Свои риски несет и систематическое расширение импортной продукции на наших рынках. По номенклатуре продуктов видно, что они экспортируются из самых разных стран, вплоть до Египта (картофель), находящегося как раз в той зоне глобального голода, о которой шла речь. Из Египта привезти картофель «ближе» и дешевле, чем, скажем, из Рязани: для закупающей структуры это, практически говоря, путь из Шереметьева до Москвы. Фактор дешевого импорта, убивший малое фермерство развивающихся стран, сегодня вовсю действует и в России. Лозунги отечественного фермерства и импортозамещения по сути и по факту обернулись поддержкой чужого производителя. И все указывает на то, что со вступлением России в ВТО ситуация станет еще более драматичной.

Как мы уже говорили, дело не в том, насколько весомы официально заявляемые резоны и позиции, они могут быть логически безупречны – дело в последствиях практического характера, накапливающихся из года в год. При тенденциях, все последние годы развивавшихся в аграрном секторе страны, в высшей степени сомнительно, что вне специальной государственной политики он выдержит испытания инфляцией и высокими ценами на топливо, удобрения, сельхозтехнику и т.д. Демографические процессы в деревне, кроме того, делают неблагоприятную перспективу «наперед обеспеченной».

Сегодня не очень понятно: какова максимально производительная форма хозяйствования в нашей деревне на перспективу? Вопрос, может статься, должен решаться методами какой-то совершенно особой социальной инженерии с разработкой принципиально новых форм собственности и хозяйствования. Все это потребует громадных инвестиций.

Между тем тема государственной поддержки сельского хозяйства все время была одним из основных камней преткновения на пути вступления страны в ВТО. При сегодняшних требованиях к нам – ограничить господдержку аграрного сектора примерно четырьмя миллиардами долларов в год – очень сомнительно, что этот сектор выдержит давление накопившихся проблем (Россия имеет в виду увеличить этот показатель, как минимум, в два раза, как и запрограммировано на 2012 г.).

Во всем мире выход из создавшейся продовольственной ситуации ищут в сфере развития «устойчивого сельского хозяйства» с распространением широкого спектра малых технологий, увеличивающих производительность индивидуального фермерского хозяйства. Конечно, это не меры чрезвычайного и конъюнктурного характера – нужна целая общественная стратегия работы в данном направлении. Мы также говорим об особом социальном инжиниринге, в котором определились бы новые формы собственности и хозяйствования в деревне. Именно от этого, полагаем, критическим образом и зависят перспективы нашей аграрной и продовольственной ситуации.

Литература

1. *John Nickols*. The World Food Crisis // Nation, April 24, 2008.
2. WTO, Agreement on Agriculture // Wikipedia.
3. Половине россиян не хватает денег на еду // http: // news.netpress.ru /policy /8713
4. 36% пенсионеров из-за инфляции недоедают // http: // www. dengi-info.com /news